

Э. А. АКОПЯН, *Керопэ Патканян (жизнь и творчество)*, Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 1975 г., 221 стр.

За последние десятилетия арменоведческая литература пополнилась ценнейшими исследованиями, обращенными к историко-типологическому изучению и взаимосвязям армянской культуры и литературы с культурами и литературами других народов, в особенности с русской. Рецензируемая книга является новым вкладом в исследование данной проблематики. Это первая монография в нашем литературоведении, посвященная жизни и творчеству выдающегося представителя арменоведческой науки XIX века, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук. Оценивая книгу Акопяна, необходимо отметить, что итог многолетних кропотливых поисков и научных изысканий в различных архивах и библиотеках страны по восстановлению богатой судьбы биографии, освещению и характеристике многогранной деятельности К. Патканяна — поэта, переводчика, ученого, цензора, профессора университета — увенчался успехом.

Не секрет, что работа над архивными материалами «крупного деятеля прошлого», большая часть которых впервые вводится в научный обиход, всегда сопряжена со значительными трудностями. Видный русский литературовед, писатель Ю. Тынянов считал, что слепота к фактам — черта дурного литературоведения, но он же предостерегал от их фетишизации, поскольку и такой подход к делу не является показателем хорошего литературного вкуса. Располагая богатым архивным материалом, Акопян сумел избежать этих крайностей в работе над документами. С чувством меры и научной добросовестностью он сумел всесторонне проанализировать и «прочитать» большинство документов, соотнес их с «контекстом» эпохи, что позволило ему сделать глубокие выводы и объективные обобщения.

Раскрывая и характеризуя многие ранее неизвестные или малоизвестные страницы биографии Патканяна — годы, проведенные в Лазаревском Институте восточных языков, Дерптском и Петербургском университетах — автор воссоздает картину связей Патканяна с вольнолюбивой многонациональной студенческой молодежью, передовыми деятелями эпохи, сторонниками национально-освободительной борьбы армянского народа 70—80 гг., показывает пути формирования его просветительских взглядов, научной и творческой деятельности.

Осмывая вслед за армянскими литературоведами традиции дерптской «поэтической школы», Акопян в первой главе монографии заостряет внимание на художественных и жанровых особенностях поэзии Патканяна, в частности — его песнях, проникнутых гражданскими и анакреонтическими мотивами и пользующихся, как установил исследователь, большой популярностью не только среди дерптской армянской молодежи, но и в многочисленных армянских колониях, а также в Армении.

Для понимания идейно-эстетических взглядов ученого большую ценность представляет обнаруженная исследователем рукопись социально-бытовой «Повести из восточной жизни», принадлежащая перу Патканяна. По мнению Акопяна, в ней нашли отражение обсуждавшиеся на страницах «Современника» и других изданий того времени актуальные вопросы, касающиеся крестьянской реформы 60-х гг. и вопроса эмансипации женщин. Небезынтересен и факт выявления единственной в истории армянской дореволюционной критики статьи Патканяна о Кантемире, написанной, как установлено Акопяном, под влиянием воззрений Белинского. Демократическая направленность эстетики Патканяна проявилась и в отборе поэтических произведений, переведенных или переложенных им на армянский язык. В монографии оценивается ряд переводов, сделанных из Шиллера, Гейне, Байрона, Беранже, рассматриваются и разбираются

стихотворения, написанные под воздействием Жуковского, Лермонтова, поэта-декабриста Ф. Глинки и др.

Хотя в прошлом и была предпринята попытка охарактеризовать деятельность армянских цензоров России — Н. Берояна, Н. Марра, К. Патканяна — последнему незаслуженно было уделено мало внимания и была дана не совсем справедливая оценка. Вопреки устоявшемуся мнению об «академическом безразличии» Патканяна к своим обязанностям, Акопян с учетом большого эпистолярного наследия и архивного материала во второй главе монографии убедительно доказывает, что, несмотря на некоторые вынужденные компромиссы с третьим отделением, Патканян-цензор сыграл положительную роль в судьбах армянской печати, художественной и научной литературы 70—80-х гг. Так, вопреки строгим предписаниям цензурного комитета, действовавшим в отношении всех театров России, Патканян разрешил к постановке исторические пьесы армянских драматургов, проникнутые патриотическими идеями. Более того, наперекор шумихе, поднятой реакционерами вокруг произведений Сундукяна, он сумел настоять на постановках таких его пьес, как «Еще одна жертва», «Разоренный очаг», «Ночное чиханье» — к добру».

Немаловажна заслуга Патканяна и в поддержке литературно-патриотических начинаний студентов восточного факультета Петербургского университета, которые не без его помощи смогли опубликовать переведенные на армянский язык произведения болгарских авторов, повествующих о подвигах легендарных гайдуков. Обращение к этой тематике армянских студентов, как указывает автор, носило не случайный характер, а было сопряжено с освободительными стремлениями, ибо в их среде имена болгарских гайдуков и зейтунских воинов воспринимались одинаково близко.

Вторая глава исследуемой работы представляет значительный интерес и с точки зрения раскрытия художественного мировоззрения как Керопэ Патканяна, так и Рафаэля Патканяна. Дело в том, что К. Патканян долгие годы не только активно направлял творческие стремления Патканяна-прозаика, ориентируя его на реалистическое воссоздание жизненных идеалов, но и фактически принял своеобразное участие в появлении многих его рассказов из «Нахичеванского цикла».

Создание истории классического арменоведения на основе марксистско-ленинской методологии является актуальной задачей советской армянской историко-филологической науки. Однако ее осуществление немыслимо без монографических исследований об армянских, русских и европейских арменистах. В этом плане необходимо отметить последнюю главу монографии, посвященную научной, педагогической деятельности и арменоведческому наследию Патканяна, его роли в создании Петербургской школы арменоведения, из которой вышли такие прославленные ученые, как Н. Марр, Н. Адонц, И. Орбели, С. Малхасян, Х. Кучук-Иоаннисян и многие другие. Вопреки мнению некоторых ориенталистов прошлого столетия, которые видели в Патканяне лишь «прилежного ученика» и популяризатора достижений европейской науки, Акопян рассматривает Патканяна как маститого ученого, «комплексно изучившего письменную культуру армянского народа» и критически пересмотревшего данные европейских востоковедов. В этой связи необходимо отметить те разделы третьей главы, где рассматривается деятельность Патканяна как исследователя сочинений древнеармянских авторов и одновременно — их переводчика на русский язык, что, несомненно, во многом способствовало пропаганде богатой культуры армянского народа в России и позволило включить арменоведение в общее русло отечественного востоковедения. Издав произведения древнеармянских классиков с ценным научным аппаратом, Патканян для решения ряда спорных научных вопросов армянской историко-филологической науки выдвигал гипотезы, часть из которых была безоговорочно принята позднейшими исследователями. Акопян особенно высоко оценивает правильную ориентацию Патканяна в дискуссиях, возникших вокруг имени Хоренаци. Одно из центральных мест в работе уделено разбору мифов (о Хайке, Араме, Ваагне и др.) в свете их изучения Патканяном, а также выявленной Акопяном рукописи труда Патканяна «Самое древнее известие о сношениях Спасителя с царем Абгаром», который в свое время был запрещен духовной цензурой.

Как показывают изыскания Акопяна, в сфере научных интересов Патканяна нахо-

дился не только «прозаический жанр» армянской словесности. Просветительский универсализм Патканяна проявился и в других областях арменистики и, в частности, библиографии, этимологии, этнографии, в разработке методики научного перевода и преподавания арменоведческих дисциплин. Особенно весомым был вклад Патканяна в области диалектологии, за что его справедливо нарекли «отцом» научного изучения армянских диалектов.

В заключительных разделах главы исследуется лингвистическая и историографическая концепция Патканяна. При этом автор не идет по проторенному пути своих предшественников, а, учитывая их изыскания и выводы, стремится высказать свое отношение к роли Патканяна в разработке актуальных для своего времени вопросов языкознания и древнейшего периода истории армянского народа. По наблюдению Акопяна, интерес Патканяна к взаимодействиям и взаимоотношениям габара и ашхарабара, габара и диалектов был вызван как исследованиями армянских лингвистов XIX в., так и непримиримой борьбой, которую вели армянские просветители за торжество нового литературного языка. Акопян приходит к справедливому выводу о том, что труды Патканяна в этой области действовали на сторонников старой школы «не менее отрезвляюще, чем полемические статьи и исследования М. Налбандяна и С. Назаряна» (стр. 192). Обращаясь к историографической концепции ученого, автор акцентирует внимание на роли Патканяна в изучении истории формирования армянского народа, особо выделяя его гипотезу об этногенезе армян, которая несмотря на свои уязвимые моменты, в целом не утратила научного значения и в наши дни.

Будучи типичным представителем «академической школы» отечественного востоковедения, Патканян плодотворно использовал ее завоевания, в частности, намного углубив тематику и усовершенствовав приемы изучения источников, а также введя в обиход арменоведения достижения сравнительного языкознания и ряда других историко-филологических дисциплин, тем самым на многие десятилетия определив пути развития арменоведческой науки. Оценивая заслуги ученого перед отечественной наукой, Р. Патканян писал: «Уверю тебя, ты — первооткрыватель; если наши исследователи желают, чтобы их умственная деятельность выражала интересы нации, они должны следовать тебе. До твоего появления арменисты блуждали в потемках. Ты первый зажег фонари и указал истинную дорогу, по которой они должны идти. А фонари, зажженные тобой, не потухнут до тех пор, пока в устах армян слышится армянская речь...».

Присоединяясь в целом к этой характеристике научной деятельности Патканяна, необходимо, однако, отметить, что его труды, хотя и несомненно сыграли важную роль в разработке многих кардинальных вопросов отечественной историко-филологической науки, но зачастую, впрочем как и многие работы представителей дореволюционной русской «академической школы» (Пыпина, Тихонравова, Шахова, Венгерова и др.), страдали позитивистско-идеалистическим подходом к общественным и литературным явлениям. Не случайно, что Патканян просветительские идеи считал всецельными преобразователями жизни, а движущую силу истории усматривал лишь в действиях и помыслах энергичной личности, которая должна вести за собой «пассивный народ». Обостренный интерес Патканяна к фактографии породил и соответствующую методологию, зачастую оставлявшую мало места для обобщений в их исторической перспективе. Отсюда — сужение рамок национально-освободительных движений армянского народа на протяжении всего средневековья и явно ошибочный вывод о «политической инертности Армени» в средние века. Вскрывая противоречия в историко-литературной концепции Патканяна, Акопян довольно подробно останавливается на просчетах в методологии ученого. Однако нам кажется, что характер исследования требовал более масштабного и системного подхода при рассмотрении методологической базы Патканяна, имевшей, на наш взгляд, ряд точек соприкосновения с «генетическим» методом И. Тэна и с носившей плюралистический характер методологией представителей русской «академической школы», которая также нарушала принцип историзма.